

Наталья ФАТЕЕВА

**ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ ТЕКСТОВОГО ПРОСТРАНСТВА
В РОМАНЕ Е. ВОДОЛАЗКИНА «СОЛОВЬЕВ И ЛАРИОНОВ»***

**Specificity of the Organization of Text Space
in the Novel of E. Vodolazkin «Soloviev and Larionov»**

Abstract

The article analyzes the specificity of the organization of the text space in the novel, the relationship of its title and main characters is clarified. The main motives of the story that unite the heroes and motivate the interweaving of their destinies are highlighted: the railway, the sea, the horse and the rider, childhood, life and death. It is proved that the text of the novel is built as a search for an answer to the question about the secrets of the life of General Larionov.

Keywords: *novel, structure, organization, narration, intrigue, proper names, main motives, fictional, documentary*

Роман Е. Водолазкина необычен как по своей текстовой структуре, так и по организации повествования. Он двойственен по оси вымышленное /документальное/ псевдодокументальное, а также по оси серьезное / ироничное. Это становится очевидным, начиная с заглавия и первых страниц романа. Прежде всего остановимся на заглавии и именах собственных, задающих переплетение судеб героев и планов повествования.

Начинается роман введением заглавных героев, причем о первом из них Соловьеве (без имени и отчества) сразу говорится Он, как о человеке, который должен быть уже знаком читателю, хотя бы из заглавия: «**Он** родился на станции с неброским названием 715-й километр. Несмотря на трехзначную цифру, станция была небольшой. Там не было ни кино, ни почты, ни даже школы. Там не было ничего, кроме шести деревянных домов, стоявших вдоль железнодорожного полотна. Достигнув шестнадцати лет, **он** покинул эту станцию. **Он** уехал в Петербург, поступил в университет и стал изучать историю. Учитывая полученную им при рождении фамилию – Соловьев, – этого следовало ожидать» [ВОДОЛАЗКИН 2019: 7]¹. Сразу задаются и основные пространственные координаты его жизни станция 715-й километр и Петербург, где он учился и стал аспирантом Института русской истории. Эти точки локализации связаны и с главными скрепляющими повествование мотивами железной дороги и

* Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ 19-512-23004 «Метафорическая картина мира современной русской и венгерской прозы конца XX – начала XXI в. (сопоставительный анализ)».

¹ Текст романа цитируется по изданию: Водолазкин Е.Г. Соловьев и Ларионов. Москва: Издательство АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2019.

моря (большой воды), которые приобретают в романе метафорический смысл (об этом подробнее дальше). Фамилия же Соловьев соотносится с известным историком Сергеем Михайловичем Соловьевым. В романе упоминается и фонд С.М. Соловьева, который, во-первых, отказывает Соловьеву в гранте, как раз из-за фамилии, чтобы его не обвинили в семейственности, во-вторых, организует конференцию в Керчи под знаковым названием «Генерал Ларионов как текст», в-третьих, благодаря совпадению фамилий, директор консервного завода, спонсирующий эту конференцию, называет молодого Соловьева «тот самый Соловьев», при этом Соловьев всегда себя считал «тем самым». Знаковыми для Соловьева в романе становятся также Крым и Ялта – место его командировки: туда он едет для участия в конференции и в поисках воспоминаний генерала Ларионова, к тому же он до исследования жизни и деятельности генерала пишет курсовую работу об установлении советской власти в Крыму.

Сведения о самом генерале Ларионове (также без имени-отчества) вводятся как противопоставление (*Другое дело генерал Ларионов*) и с датами жизни (1882–1976) и смерти. При этом у этого героя те же точки локализации – Петербург, где он родился, Крым, Ялта, с которыми связаны детские воспоминания генерала, история обороны и сдачи Крыма, когда он командовал подразделениями Белой армии. Автором повествователем также подчеркивается особое звуковое взаимопроникновение двух слов *генерал Ларионов*, которое сопровождало героя с детства: «*Генеральское начало проявлялось в нем с раннего детства, с того самого времени, когда, едва начав ходить, ровными рядами он выстраивал на паркете деревянных гусар. Видя его за таким занятием, присутствующие произносили единственно возможное словосочетание: генерал Ларионов. Вдумайтесь, как естественно соединение этих двух слов; они созданы друг для друга, они произносятся без паузы и, перетекая одно в другое, становятся единым целым, как единым целым становятся в бою всадник и его лошадь: генерал Ларионов. Это было его первым и единственным домашним именем, к которому он привык сразу и навсегда. Генерал Ларионов. Заслышав это обращение, дитя вставало и молча отдавало честь*» [ВОДОЛАЗКИН 2019: 9-10]. В этом отрывке к тому же выступает на поверхность еще один мотив повествования – всадник и его конь, который пронизывает весь текст.

Особенным, но «не знаковым» выступает и еще одно место – Керчь, где проходит конференция «Генерал Ларионов как текст», спонсируемая фондом С.М. Соловьева. Несмотря на то, что в романе это заглавие конференции пародируется, как и само слово «знаковый» со ссылкой на тартусские «Труды по знаковым системам», оно на самом деле очень важно для структуры романа. Это происходит потому, что образ генерала Ларионова рождается в самом тексте романа, причем в трех планах – плане повествователя, плане самого генерала Ларионова (тексты его воспоминаний; в одном месте даже говорится о воспоминаниях как «труде историка»), плане Соловьева (текст его псевдодиссертации и доклада). Стоит отметить, что повествователь в романе как бы суммирует в себе и планы текста Ларионова и текста Соловьева, создавая эффект всеведущего и не редко интерферирующего во внутреннюю точку зрения

героев. Это повествование, или этот текст, и в том и другом случае имеет установку на создание иллюзии документальности, «литературной мистификации» на уровне образности и романной композиции. По сути же это литературный прием: обилие научных исследований как с вымышленными сносками, так и действительными, которые как бы пересказываются в романе, делает генерала Ларионова действительно произрастающим из текста. При этом повествователь не исключает того (и это создает метатекст романа), что большинство научных исследований содержит в себе элемент «мифологии», что «символизирует преобладание мифологии над положительным знанием во всем, что касается покойного». Он и сам часто обращается к сказкам и фольклору по мере создания текстовой интриги и поиска ответа на главный вопрос, почему генерал остался живым после гражданской войны и дожил свой век в Ялте².

В романе почти сразу объясняется, что объединяет двух заглавных героев, столь непохожих друг на друга: «*Что, спрашивается, соединило две столь непохожие личности, как историк Соловьев и генерал Ларионов, если позволительно, конечно, говорить о соединении молодого, цветущего исследователя и утомленного сражениями полководца, ушедшего к тому же в мир иной? Ответ лежит на поверхности: историк Соловьев изучал деятельность генерала Ларионова. Окончив Петербургский университет, он поступил в аспирантуру Института русской истории. В этом то институте генерал Ларионов и стал его диссертационной темой. Не приходится сомневаться, что к 1996 году – а именно о нем идет речь – генерал Ларионов уже всецело принадлежал русской истории*» [ВОДОЛАЗКИН 2019:10]. В этом фрагменте, кроме мотивации связи двух героев, вводится важный для текста мотив «жизни и смерти», который, во-первых, делает возможным изучение историком жизни генерала Ларионова, ввиду его смерти, во-вторых, раскрывает то, что всю свою жизнь генерал был одержим разгадкой взаимоотношения «жизни и смерти»: «*Кроме всего прочего, генерал Ларионов был абсолютно мертв и являлся, таким образом, законным объектом научного исследования. Даже по самым строгим историческим меркам с ним уже можно было работать. Но генерал был не просто мертв. Еще будучи жив, он, в отличие от многих исторических деятелей, рассматривал смерть как непременный факт жизни*» [ВОДОЛАЗКИН 2019:65–66].

Еще один герой, и точнее героиня, которая вводится в начале романа, это Лиза Ларионова, точнее, как в конце выяснится, Елизавета Филипповна Ларионова, чуть ли не внучка генерала и первая женщина Соловьева на станции

² О поэтике интриги в романе см. работу [ГРИМОВА 2015]. Автор считает интригу в романе энигматической, заимствуя этот термин у В.И. Тюпы. Структурная схема энигматической интриги состоит в «перипетийном чередовании сегментов наррации, приближающих и удаляющих момент проникновения в тайну или обретения смысла» [ТЮПА 2013: 88]. В статье О.А. Гримовой как раз раскрывается, что наррация в романе Е. Водолазкина «Соловьев и Ларионов» подчиняется этой схеме, а главной тайной, которую разгадывает Соловьев является поиск ответа на вопрос, «почему белогвардейского главнокомандующего, отказавшегося эмигрировать и оставшегося в Крыму, который он безуспешно оборонял от красных, эти же красные не расстреляли».

715-й км. В начале, как нам заявляет повествователь, Соловьев, как и он, обращает внимание на фамилии Лизы – Ларионова, что дает толчок ко многим последующим совпадениям и сходствам в романе: «Для настоящего повествования небезынтересна фамилия Лизы – Ларионова. Настоящее повествование вообще склонно делать акцент на разнообразных сходствах и совпадениях, поскольку во всяком подобии есть свой смысл: оно открывает иное измерение, намекает на истинную перспективу, без которой взгляд непременно уперся бы в стену. Берясь за исследование жизни и деятельности генерала Ларионова, Соловьев принял во внимание и свое прежнее знакомство с этой фамилией. Он придавал значение подобным вещам. Разумеется, молодой исследователь не мог еще объяснить роли Ларионовых в своей жизни, но уже тогда он чувствовал, что роль эта не будет второстепенной» [ВОДОЛАЗКИН 2019: 21]. Постепенно в романе становится важной не только фамилия Лизы, но и ее отчество – Филипповна. Дело в том, что Филиппом был назван сын генерала Ларионова, который совсем был не похож на отца и в итоге после его смерти спился и бежал из дому. По иронии Филипп означает «любящий лошадей», и эта характеристика как раз принадлежит самому Ларионову. Однако и при жизни генерала Филипп также не был близок с отцом, и, как вспомнил потом Соловьев, носил фамилию матери – Нежданов. Интересен Филипп Соловьеву был тем, что, во-первых, у него как раз должен был быть текст конца воспоминаний генерала и, во-вторых, он поехал жить, по предположению Акинфеевой (женщины, которая записывала под диктовку мемуары генерала), на станцию 715-й км и поэтому вполне мог быть отцом Лизы. Однако в тексте играют обе фамилии Филиппа – Ларионов и Нежданов. Дело в том, что Соловьев жил на Ждановской набережной, и при объяснении этимологии этого названия обсуждаются два слова *ждан* и *неждан*, второе связывается с Филиппом как неожиданным ребенком. При этом в романе Нежданов выступает и знаком нежданного получения конца мемуаров Ларионова от Лизы, работающей в Румянцевской библиотеке в Москве. На самом деле в романе никак не объясняется, как у Лизы оказались эти мемуары. Но именно они послужили новым толчком любви Соловьева к Лизе и обусловили ее поиски. Это было одно из главных совпадений в его жизни: «Соловьев понимал, что это совпадение неслучайно. Оно уже было не совпадением – соединением. Чем более невероятным соединением казалось, тем более неслучайным оно становилось. Эта неслучайность доказывала правильность открывшегося направления поисков, а важность – вдруг до дрожи осознанная им важность Лизы в его жизни – была главным доказательством». [ВОДОЛАЗКИН 2019: 279]

Еще одно имя играет в тексте – это Зоя, дочь Акинфеевой, и девушка, которая вовлекает Соловьева в авантюру в связи с поисками воспоминаний генерала. Имя Зоя означает «жизнь», это имя посоветовал Акинфеевой дать дочери генерал Ларионов. Когда Акинфеева с Зоей вернулась из роддома, генерал уже умер, тем не менее соседи считали ее чуть ли не приемной дочерью генерала. Именно с Зоей он познает и все таинства любви на постели графа Воронцова, когда он испытывает «интимные отношения с прошедшим», приводившие его в экстаз.

Перейдем к значимым мотивам-символам романа, которые вносят в весь роман образно-метафорический смысл. Прежде всего – это железная дорога, важная для обоих главных героев. Соловьев фактически родился и первые годы жил около железной дороги, его мать была регулировщицей. О нем в романе сообщается, что его линия жизни смыкается с линиями железной дороги: *«Излишне говорить, что поезд для молодого историка не был обычным транспортным средством. Жизнь его складывалась так, что любой, кто способен читать по руке, параллельно с линией судьбы увидел бы на ладони Соловьева линию железной дороги. Проносившиеся мимо маленькой станции поезда первыми открыли ему существование большого и нарядного мира за ее пределами»* [ВОДОЛАЗКИН 2019: 32]. Отец Ларионова был директором департамента железных дорог, и эта любовь к железной дороге передалась его сыну, который построил в Крыму железное полотно от Джанкоя до Ющуна. Многими исследователями отмечалась любовь Ларионова к бронепоездам, о которой ходили легенды. С детства его отличало чувство того, что в железнодорожном полотне заключено нечто сказочное: *«Будущему генералу, знакомому с русскими народными сказками не понаслышке, движение поезда напоминало бегство из заколдованного леса. Вцепившись в никелированную ручку кровати, он с тревогой наблюдал за покачиванием еловых крон, с которых, по его мнению, и было удобнее всего атаковать невидимому противнику. Только спустя время, когда становилось совсем темно, а стеклянная стенка начинала отражать уютную роскошь вагона, дитя успокаивалось и, разжимая затекшие пальцы, отпускало никелированную ручку. На этом жесте генерал Ларионов поймал себя впоследствии, когда летним вечером 1920 года отпустил ручку люка бронепоезда»* [ВОДОЛАЗКИН 2019: 40–41]. В данном фрагменте уже заложена основная интрига романа, так как именно летом 1920 года у поселения колонистов Гнаденфельд остановились два бронепоезда – генерала Ларионова и красного командира Жлобы, что поминутно вычислил и рассчитал Соловьев, опираясь на телеграммы и телефонограммы. Сущность же этой встречи получает объяснение благодаря фольклорному тексту о встрече двух генералов, на который указывает Соловьеву академик Темрюкович³. Во время этой встречи Ларионов не стреляет в Жлобу, оставляя его жить, так как считал, что «смерть не способна ничему научить». Этот факт затем стал решающим, почему генерал после сдачи Ялты остался живым. Любовь же Соловьева к расписанию поездов собственно и раскрыла, что данная встреча произошла. Одновременно расписание поездов было связано и с началом его сексуальной жизни Соловьева с Лизой: звуки проходящих поездов помогали молодым людям скрыть истинный смысл их занятий, поэтому они рассчитывали движение поездов

³ О.А. Гримова [2015] так объясняет функцию этого героя в романе: «Когда среди персонажей появляется академик Темрюкович, о котором сообщается, что он издал полное собрание сочинений Соловьева, у читателя появляется ожидание, что ученый муж сыграет некую роль в главном для современного Соловьева деле. И действительно, именно Темрюкович подсказывает аспиранту, где искать сообщение об одном из самых значимых – как потом становится понятно – эпизодов биографии генерала, о личной встрече с врагом и решении сохранить ему жизнь».

по минутам. Именно поэтому движение поездов впоследствии пробуждали у Соловьева сексуальное желание. Едущим поездом «Петербург – Москва» к Лизе и читающим мемуары генерала Ларионова оставляет автор героя.

Что касается метафоры самой железной дороги как жизненного пути, то сразу приходит на память роман «Доктор Живаго» и, в частности, встреча Живаго со Стрельниковым, который отпускает доктора. Перед смертью же *«Юрию Андреевичу вспомнились школьные задачи на исчисление срока и порядка пущенных в разные часы и идущих с разной скоростью поездов, и он хотел припомнить общий способ их решения, но у него ничего не вышло, и не доведя их до конца, он перескочил с этих воспоминаний на другие, еще более сложные размышления»* (часть 15, гл. 12). Железнодорожные же переживания маленького Ларионова очень схожи с теми, что испытывает Женя Люверс в повести Б. Пастернака. В самом романе Водолазкина в связи с железной дорогой с иронией на толстовство упоминается роман Л. Н. Толстого «Анна Каренина».

Что касается метафоры «морья» как жизненного пути, то она в полной мере раскрывается в романе. В связи с этим подчеркивается контраст героев, связанный с их рождением и происхождением. Ларионов с детства жил у большой воды, в детстве его возили родители на море в Ялту (первые его впечатления от моря отражены в его воспоминаниях о детстве), в Ялте на молу заканчивается его путь как генерала: туда, на мол он прибегал и в детстве, на молу он сидел и в старости, что запечатлено на одной из фотографий в монографии А. Дюпон. Соловьев приезжает на море уже взрослым человеком через 20 лет после смерти Ларионова, он также знаком с его детскими воспоминаниями, а первая встреча с морской водой напоминает ему о своем детстве, когда он первый раз занимался любовью с Лизой Ларионовой. Здесь при описании первых ощущений Соловьева от моря наблюдаются так свойственные всему роману перескоки из настоящего в прошлое и из прошлого в настоящее, чему способствует и созерцательность героя, присущая также генералу: *«То, чем завершилась деятельность генерала Ларионова, стало началом деятельности историка Соловьева. Созерцательное отношение к морю не позволило последнему овладеть ни одной из морских профессий. Он боялся, что слишком близкие отношения с морем могут привести к разочарованию и заставят его разлюбить стихию. Стоя по грудь в воде, молодой исследователь испытывал сомнения (ввиду его неустойчивого положения их можно было бы также назвать колебаниями) относительно того, не в слишком ли интимных отношениях пребывает он с предметом своей любви»*. [ВОДОЛАЗКИН 2019: 76]

Еще одним значимым мотивом-символом в романе является образ всадника и коня, соотносимый с генералом Ларионовым (как мы помним, это словосочетание как раз сравнивалось с всадником и конем в силу своей нераздельности). Любовь к лошадям была свойственна генералу еще с детства, когда он овладевал верховой ездой во Втором кадетском корпусе, с этого же возраста историка, как нам говорит повествователь, относят и его первые беседы с лошадьми, «неоднократно упоминавшиеся в литературе». На самом деле эти «разговоры с конем» становятся вершиной мистификации в романе, так как именно они наиболее

плотно снабжаются сносками на источники, внося иллюзию документальности в текст. При этом автор-повествователь как бы играет с читателем, проверяя его на любовь к фикциональности и способность воспринимать иронию:

«–Не на ярмарку ведь едем – с ярмарки, – так солнечным январским утром генерал Ларионов шепнул на ухо своему коню.

Для всех наблюдавших эту сцену сказанное генералом предстало в виде облачка пара. Остается загадкой, как в отсутствие свидетелей эта фраза смогла стать достоянием общественности. Спору нет, в исторической литературе неоднократно отмечались доверительные, почти человеческие отношения между лошадью и генералом Ларионовым, называвшим животное друг мой и обращавшим к нему отдельные свои реплики. Вместе с тем нелепо было бы представлять, что лошадь могла ответить генералу тем же, и уж тем более – болтать налево и направо о сказанном ей на ухо.

Впрочем, точно такие же слова были направлены генералом и английскому посланнику в ноябре того же года. Текст пришел по телеграфу, поскольку сам генерал, обеспечивая эвакуацию армии из Крыма, возглавлял последний рубеж обороны. Разумеется, в телеграмме английскому посланнику (она сохранилась) ни слова не сказано о том, что фраза адресовалась не ему одному. Как бы то ни было, в науке данный текст цитируется со ссылкой на январь, причем цитируется довольно часто, уступая в популярности лишь знаменитому определению причин поражения белых» [ВОДОЛАЗКИН 2019: 52–53].

Далее в романе ирония доходит до того, что один из докладчиков на Керченской конференции причисляет генерала Ларионова к юродивым на основании его бесед с лошадьми и пристрастия к железнодорожному транспорту.

Еще один проходящий сквозь все повествование мотив – мотив детства, который связан как с воспоминаниями генерала, так и обращенностью к детству и самого Соловьева. Такая обращенность к детству как истоку жизни в чем-то напоминает Набокова, хотя воспоминания генерала о кадетском корпусе и контрастируют с набоковскими. При этом в романе, как и в романе «Дар» Набокова заходит разговор о Чернышевском, когда Соловьев читает воспоминания генерала. А именно, ему приходит на ум, что все ключевые для Чернышевского места в Петербурге выстраиваются в одну линию, которая включает и кадетский корпус, где он преподавал, и Ждановскую набережную (д.7), где он жил, а также Петропавловскую крепость (место заключения) и Мытнинскую площадь (место гражданской казни). Об этом же сообщал кадетам и преподаватель баллистики, что позволяет повествователю сделать временной перескок из прошлого в настоящее: *«Знакомаясь с этими закономерностями, кадет Ларионов не мог не знать, что в силу связанности всего на свете на той же прямой (Ждановская набережная, 11) будет снимать комнату историк Соловьев, изучающий борьбу генерала Ларионова с последствиями деятельности Чернышевского» [ВОДОЛАЗКИН 2019:170].*

Однако детские воспоминания генерала играют еще в одном месте романа. Они всплывают при описании Керченской конференции в докладе ученого с пародийной фамилией Тарабукин. Этот, как он преподносится в романе,

«псевдоученый» нашел сходство в отрывках из *Набросков к автобиографии* генерала Ларионова и рапорта Д.П. Жлобы о вступлении красных войск в Ялту в ноябре 1920 г. Однако это сходство тоже, как выясняется не было случайным, что становится очевидным Соловьеву уже при чтении конца воспоминаний генерала: до прихода красных, чтобы спасти не успевших эвакуироваться белых, генерал пытается выстроить жизнь в городе как бы по образцу своего детства. В частности, ряд «трудящихся», грузил на подводу шкаф с двуглавыми орлами как раз с дачи Ларионовых. Этот шкаф до этого не раз фигурировал уже в романе, когда рассказывалось о соседях генерала, которые не могли поделить его имущество после его смерти. Что касается самого докладчика Тарабукина, то он в своем докладе апеллировал к идеям А.Н. Веселовского и В.Я. Проппа в «области соотношения мотивов».

Еще один, пожалуй, самый главный мотив романа – соотношение жизни и смерти, над которым бился всю свою жизнь Ларионов. Как воевавший генерал он по роду своих занятий был все время связан со смертью. Именно поэтому он так любил в старости сидеть на молу: окружающий пляж казался ему полем жизни по контрасту с полем боя, где торжествовала смерть.

В этом смысле с точки зрения организации повествования интересен тот факт, что по контрасту со всем романом, текст которого выдержан в прошедшем времени, фрагмент, описывающий фотографию генерала, сидящего на молу, представлен в настоящем времени: *«Не приходится сомневаться, что и те, кто абсолютно не знаком с деятельностью генерала и даже не слышал его имени, припомнят черно белую фотографию старика, сидящего в складном кресле на самом краю мола (Ялта, 1964 год). Она вошла в классику мировой фотографии, подобно паровозу, выпавшему из окна парижского вокзала, подобно маяку среди бушующих волн и т. д. Несмотря на жару летнего дня, старик сидит в белом френче. Он сидит под полупрозрачным тентом, положив ногу на ногу. Носок светлой туфли вытянут вперед параллельно земле и почти сливается с молотом, так что кажется, будто стоящий неподалеку маяк балансирует на носке этой изысканной обуви. Взгляд старика обращен вдаль и исполнен особого внимания того, кого не интересуют вещи, лежащие ближе линии горизонта. Этот старик – генерал Ларионов»* [ВОДОЛАЗКИН 2019: 14].

Таким образом, Ларионов показан в самом начале романа как «живой», несмотря на то что он 20 лет как умер и стал объектом истории.

Еще раз настоящее время возникает в романе, когда генерал разговаривает в Ялте с аптекарем Кологривовым об этапах жизни человека и о строении его тела и органов, а также об естественной и неестественной смерти. Завершается этот разговор выводом, к которому приходит генерал:

«–Значит ли это, – спрашивает генерал, что основной причиной смерти человека является его жизнь?»

Аптекарь Кологривов садится на стул и спокойно смотрит на генерала.

–Можно, ваше превосходительство сказать и так» [ВОДОЛАЗКИН 2019: 292].

Настоящее в этом эпизоде говорит о повторяемости закономерностей жизни человека, обреченного на смерть, о вечном водовороте жизни и смерти.

Значимое настоящее появляется и тогда, когда всеведущий повествователь обращается к читателю с вопросом о «пригодности» Соловьева для исследования жизни генерала и разрешения загадки, почему тот остался в живых:

«Но вот что существенно: как раз на этой загадке и решил сосредоточиться историк Соловьев. Здесь можно предвидеть возражения в том роде, что является ли, дескать, историк Соловьев той фигурой, которая способна распутать сложнейший исторический клубок, и стоит ли вообще возлагать какие либо надежды на вчерашнего студента, да к тому же еще и self made man? Эти возражения не кажутся основательными. Достаточно указать – и этот факт был впервые установлен А. Дюпон, – что А. П. Гайдар в шестнадцать с половиной лет командовал полком. А что уж до self made man, то при широком понимании термина таковым следует считать всякого, кому удалось чего то в жизни добиться» [ВОДОЛАЗКИН 2019: 14–15].

Подводя итог, можно сказать, что в конце романа Соловьев вместе с повествователем распутывает сложно выстроенную историю жизни генерала. Однако, если прислушаться к еще одному герою – научному руководителю Соловьева – Никольскому, то можно повторить его слова о том, что «исчерпывающих истин не бывает», но при этом надо стремиться к «красоте достоверного знания».

Литература

- ВОДОЛАЗКИН 2019: Водолазкин, Е.Г. Соловьев и Ларионов. Москва: Издательство АСТ: Редакция Елены Шубиной.
- ГРИМОВА 2015: Гримова, О.А. Поэтика энигматической интриги в романе Е.Г. Водолазкина «Соловьев и Ларионов» //NARATORIUM. №1 (8). <http://narratorium.rggu.ru/article.html?id=2634333> (Date of Access: 02.04.2020)
- ТЮПА 2013: Тюпа, В.И. Нарративная интрига «Доктора Живаго» // Новый филологический вестник. № 2 (25): 72–91.

Наталья ФАТЕЕВА
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
Москва, Россия
nafata@rambler.ru

